

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: ДЕФИНИЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-44-53

Аннотация В статье рассмотрены типология и содержание современных вооруженных конфликтов с точки зрения международного права. Прослежена эволюция классификации вооруженного конфликта в международном праве и российском национальном законодательстве. Формальное признание в международном праве двух категорий вооруженных конфликтов – международного и немеждународного – в современных реалиях сталкивается с размыванием границ между ними, затрудняющими их четкую классификацию.

Ключевые слова международное право, война, международный вооруженный конфликт, немеждународный вооруженный конфликт, вооруженное насилие, международные миссии

Title Classification of armed conflicts in international law: definitions and reality

Abstract The article analyzes typology and substance of modern conflicts from the point of international law. It traces the evolution of armed conflict classification in international law and in Russia's national legislation. It concludes that formal recognition in international law of two categories of conflict – international and non-international – is confronted in practice with the erosion of boundaries between the two, which complicates their definitive classification.

Keywords international law, war, international armed conflict, non-international armed conflict, armed violence, international missions

I. Введение

Для понимания природы современных вооруженных конфликтов достаточно обратиться к сохраняющим актуальность традиционным классическим источникам – от «Эпоса о Гильгамеше» (XVIII–XVII вв. до н. э.),¹ повествующего о поводах и основаниях для совершения одноименным шумерским правителем-воителем своих подвигов, рассказа о причинах и событиях Троянской войны в «Илиаде» Гомера (IX–VIII вв. до н. э.)² или восточной мудрости об искусстве избегать войны, а если она случилась – о ее ведении,³ до наставлений о неизбежно конфликтных способах обретения и удержания власти внутри государства и влияния – вовне его, содержащихся в «Государе» Никколо Макиавелли (первая половина XVI в. н. э.).⁴ Из неподдающихся исчислению более поздних трудов можно, например, упомянуть труды Сэмьюэла Хантингтона⁵ и Роберта О'Коннелла.⁶

В данной статье, написанной юристом-международником, с использованием иного инструментария и методики анализа, чем те, которые применяют политологи и конфликтологи, основное внимание сосредоточено на международно-правовых

Тузмухамедов Бахтияр Раисович – профессор (по кафедре международного права), вице-президент Российской Ассоциации международного права

аспектах проблемы. С учетом того, что конфликту присуще насилие, будь то одностороннее или взаимное, а его крайней формой является организованное вооруженное насилие, в статье рассмотрена типология и содержание современных вооруженных конфликтов с точки зрения международного права.

При этом сразу следует оговориться: с юридической точки зрения, с формальной позиции договорного международного права, существуют лишь две категории вооруженного конфликта: международный вооруженный конфликт и вооруженный конфликт немеждународного характера. Впрочем, в реальной жизни эти две категории не просто сосуществуют, а в тех или иных контекстах, по мере развития конкретной ситуации могут трансформироваться из одной в другую.

II. Что является и не является вооруженным конфликтом

Основные современные акты международного права, регулирующие поведение сторон вооруженного конфликта – Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним – не дают четкого определения понятия «вооруженный конфликт». Авторитетный вспомогательный источник – Комментарий Международного комитета Красного Креста (МККК) 2016 г. к Первой Женевской конвенции – исходит из того, что установление существования вооруженного конфликта определяется «враждебным противостоянием между двумя или более государствами с боевым применением вооруженной силы».⁷ Более ранний Комментарий исходил из того, что «любые разногласия, возникающие между государствами и приводящие к вмешательству личного состава вооруженных сил, являются вооруженным конфликтом».⁸ Однако эти определения применимы только к международным вооруженным конфликтам.

В юриспруденции международных уголовных трибуналов *ad hoc* известно получившее широкое признание как на уровне доктрины, так и на практике (в т. ч. в Римском Статуте Международного уголовного суда – п. 2 «f» ст. 8) определение вооруженного конфликта вне зависимости от его международного или немеждународного характера как «применения вооруженной силы в отношениях между государствами или длительное вооруженное насилие, существующее между государственной властью и организованными вооруженными группами или между такими группами в пределах государства. Международное гуманитарное право применяется с самого начала таких вооруженных конфликтов и продолжает применяться после окончания военных действий до заключения всеобщего мира или, в случае внутренних конфликтов, до достижения мирного соглашения».⁹

Изъянами данного определения, затрудняющими его применение на практике, являются не только отсутствие критериев двух основных категорий конфликтов, но указания на продолжительность вооруженного насилия как одного из основных признаков вооруженного конфликта. Можно ли при первых выстрелах судить о том, насколько продолжительным и интенсивным будет столкновение и не окажется ли оно, как отметил Международный суд, «всего лишь пограничным инцидентом»,¹⁰ а также о применимости к инциденту тех или иных норм международного права?

В соответствии со статьей 2, общей для четырех Женевских конвенций, нормы, касающиеся международных вооруженных конфликтов, применяются «в случае объявленной войны или любого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами», а «также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны».¹¹ Статья 1 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям уточняет, что указанные положения применяются также в случае вооруженных конфликтов, «в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов».¹²

Тем самым нормы, относящиеся к международным вооруженным конфликтам, распространялись как на оккупацию, так и на три конкретные ситуации вооруженного насилия (вооруженный конфликт, которому предшествует объявление войны одной или несколькими сторонами, вооруженный конфликт без объявления войны, вооруженный конфликт как проявление освободительной борьбы), в том числе происходящие в пределах территории, имеющей существующие или перспективные государственные границы.

Дополнительным критерием вооруженного конфликта немеждународного характера является перечисление признаков, которым должны отвечать силы, противостоящие официальному правительству в таком конфликте. В соответствии с п. 1 ст. 1 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям, он применяется к вооруженным конфликтам, «происходящим на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол».¹³ Таким образом, «антиправительственные вооруженные силы или другие организованные вооруженные группы» должны:

(а) находиться под ответственным командованием, то есть иметь определенную степень организованности и дисциплины, пусть и не воспроизводящей организационную структуру и иерархическую подчиненность вооруженных сил или иных военизированных государственных организаций;

(б) осуществлять стабильный контроль над частью территории государства, не контролируемой правительством, который позволяет им:

– вести непрерывные, а не эпизодические и не связанные между собой военные действия;

– вести согласованные, т. е. спланированные и объединенные определенным замыслом, военные действия;

– применять Протокол, т. е. быть способными это делать в силу степени своей организации, дисциплины и контроля над территорией, но не обязательно реализующими эту способность на практике.

Сложность следования всем этим требованиям на практике очевидна. В той или иной конкретной ситуации признание применимости Дополнительного протокола II не обязательно строго основывается на соответствии ситуации указанным критериям – как это было, например, в случае с признанием Россией применимости международного права к вооруженному конфликту на Северном Кавказе. Напомним, что эта ситуация вооруженного насилия на разных ее стадиях характеризовалась как вооруженный конфликт и, более определенно, как немеждународный вооруженный конфликт, всеми ветвями власти в России, включая законодательную, судебную, а также исполнительную власть и главу государства.¹⁴

Одно из постановлений Государственной Думы РФ, принятое по поводу вооруженного конфликта на Северном Кавказе, содержало, пожалуй, наиболее развернутое определение вооруженного конфликта:

«Под вооруженным конфликтом... следует понимать противоборство между:

(а) вооруженными объединениями, отрядами, дружинами, другими вооруженными формированиями, созданными и действовавшими в нарушение законодательства Российской Федерации (далее – незаконные вооруженные формирования), и органами внутренних дел, подразделениями внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации;

(б) незаконными вооруженными формированиями, созданными для достижения определенных политических целей;

(в) лицами, не входившими в незаконные вооруженные формирования, но участвовавшими в противоборстве».¹⁵

Следует подчеркнуть, что в соответствии с практикой Конституционного Суда РФ, «постановления Государственной Думы об амнистии в системе действующих нормативно-правовых актов по своему уровню и материально-правовому содержанию могут быть приравнены только к принимаемым Государственной Думой законам».¹⁶ Иными словами, приведенное выше определение имеет нормативное содержание. Впрочем, перечисляя в приведенном выше постановлении стороны противоборства, законодатели не только не определили его как именно вооруженное насилие, но и воздержались от раскрытия содержания вооруженного конфликта, в частности, таких его элементов, как интенсивность и продолжительность.

Если исходить из того, что признание государством вооруженного конфликта на своей территории влечет признание применимости к нему международно-правового регулятора, значит, характеристика органом государственной власти России кратковременных событий в Кизляре и Первомайском в январе 1996 г. (террористическое нападение и захват многочисленных заложников) как «вооруженного конфликта»¹⁷ также подразумевает распространение на них действия Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям.

Приходится констатировать терминологическую неразборчивость отечественного законодателя. Так, перечисляя в Федеральном законе «О гражданстве РФ» основания для отказа в приеме в гражданство России или восстановлении в нем, законодатель оперирует понятиями «международные, межнациональные, межтерриториальные или иные вооруженные конфликты»,¹⁸ участие в которых является одним из таких оснований. Такое разнообразие характеристик вооруженного конфликта не только не соответствует устоявшемуся международно-правовому понятийному аппарату, но и, в отсутствие соответствующих разъяснений, затрудняет применение закона и создает возможности для его произвольного толкования.

Следует оговориться: признание антиправительственных сил стороной вооруженного конфликта немеждународного характера в юридическом смысле не означает присвоения их персоналу статуса комбатантов с присущими ему привилегиями. Дополнительный протокол II специально указывает, что ничто в нем «не должно истолковываться как затрагивающее суверенитет государства или обязанность правительства всеми законными средствами поддерживать или восстанавливать правопорядок в государстве или защищать национальное единство и территориальную целостность государства» (п. 1 ст. 3).¹⁹ Понятно, что ситуация меняется, если антиправительственные силы берут верх в противостоянии и отстраняют правительство от власти.

В то же время в Дополнительном протоколе II указано, что он «не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности – таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами» (п. 2 ст. 1). Впрочем, может возникнуть вопрос квалификации ситуаций вооруженного насилия в случаях привлечения вооруженных сил к борьбе с преступностью в бразильских фавелах или с наркокартелями в Колумбии. Заметим в этой связи, что, к примеру, ни Франция, ни Соединенное Королевство не признавали существования вооруженного конфликта при длительном и интенсивном применении вооруженных сил, соответственно, в Алжире и Северной Ирландии.

В этом контексте может возникнуть и такой вопрос: не был ли превышен порог насилия и не имели ли место интенсивное вооруженное противостояние в ходе отдельных эпизодов событий в Киеве в ноябре 2013 – феврале 2014 г., что позволило

бы говорить о существовании вооруженного конфликта немеждународного характера? Если провести аналогию с признанием Россией существования вооруженного конфликта в рамках террористического нападения на Кизляр и Первомайское, несмотря на его ограниченность во времени и пространстве, признание событий на Майдане в качестве вооруженного конфликта представляется допустимым.

В этом смысле показательна трансформация официальных воззрений украинских властей на то, как квалифицировать насилие на востоке Украины с 2014 г. Государственные акты начального периода конфликта, прежде всего Указ Президента Украины «О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 13 апреля 2014 года “О неотложных мерах по преодолению террористической угрозы и сохранение территориальной целостности Украины”» № 405/2014 от 14 апреля 2014 г.,²⁰ допустимо рассматривать как относящиеся указанные события к категории вооруженного конфликта немеждународного характера. Однако в дальнейшем все более очевидным становится стремление рассматривать их как международный вооруженный конфликт, что нашло наиболее отчетливое отражение в Законе Украины «Об особенностях государственной политики по обеспечению государственного суверенитета Украины на временно оккупированных территориях в Донецкой и Луганской областях» № 2268-19 от 18 января 2018 г., вступившем в силу 22 февраля того же года.²¹ Данный Закон, оперирующий понятиями «вооруженная агрессия Российской Федерации» и «временная оккупация Российской Федерацией части территории Украины», определенно может быть истолкован как квалифицирующий состояние отношений между Украиной и Россией в качестве международного вооруженного конфликта.

В целом же современное международное право связывает существование вооруженного конфликта (войны) не с формальными признаками (объявление войны, объявление военного положения), а с фактической ситуацией (превышение порога вооруженного насилия и степень его интенсивности и длительности).

Следовало бы заметить, что вне пределов международного права могут применяться иные дефиниции и критерии. К примеру, Уппсальская программа данных о конфликтах²² определяет вооруженный конфликт как ведение борьбы между вооруженными силами двух сторон (по крайней мере, одна из которых является правительством какого-либо государства) за установление контроля над правительством и/или территорией, в ходе которой в боевых действиях в течение календарного года гибнет как минимум 25 человек. При возрастании числа потерь до 1000 человек конфликт характеризуется как война, а прочие конфликты – как мелкие вооруженные конфликты. Если порог в 25 убитых за год, вне зависимости от интенсивности военных действий, не достигается, такие случаи организованного вооруженного насилия не регистрируются Уппсальской программой. Руководствуясь собственными критериями, Уппсальская программа, например, зарегистрировала события на Майдане в своей базе данных в качестве вооруженного конфликта.²³

III. Война и вооруженный конфликт

При кажущейся синонимичности понятий «война»²⁴ и «вооруженный конфликт», с юридической точки зрения, между ними есть различия. Женевские конвенции 1949 г. говорят об «объявленной войне или всяком другом вооруженном конфликте, возникающим между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны» (статья 2, общая для четырех Женевских конвенций).²⁵ Более ранние источники международного права полагали объявление войны обязательным условием, соблюдение которого должно было предварять начало военных действий.²⁶

Война – это форма правоотношений между государствами, наивысшая категория вооруженного конфликта, и в ней друг другу противостоят вооруженные силы государств или их коалиций. Впрочем, российская официальная доктрина оперирует общим понятием «военный конфликт», понимая под ним форму разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы и исходя из того, что этим понятием охватываются «все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты».²⁷

Война предполагает ее объявление или, в случае, если национальное законодательство не предусматривает объявления войны (как, например, в РФ),²⁸ введение военного положения или иного особого порядка государственного управления, включающего ограничение международно-признанных прав и свобод человека. Войне сопутствует разрыв дипломатических и консульских отношений, прекращение или существенное ограничение действия международных договоров, участниками которых являются противостоящие государства, иные последствия для участвующих в ней государств, их граждан и юридических лиц.

Вооруженный конфликт – это форма правоотношений, допускающая более широкий круг субъектов, чем те, которые противостоят друг другу в войне. Сторонами вооруженного конфликта могут быть государства – в международном вооруженном конфликте; организованные и вооруженные силы, противостоящие правительству – в немеждународном вооруженном конфликте; организованные силы, противостоящие друг другу, будь то в пределах одного государства или в трансграничном столкновении. В последнем случае отнесение вооруженного конфликта к международному или немеждународному типу представляется затруднительным с формально-правовой точки зрения и зависит от фактических обстоятельств.

С той же точки зрения не менее затруднена классификация противостояния государства или коалиции государств, с одной стороны, и трансграничного или не имеющего устойчивой связи с государством объединения, преследующего террористические цели, с другой. Например, в судебной доктрине США конфликт последней категории предложено относить к немеждународному, поскольку в нем противостоят государства (“nations”) и негосударственные субъекты.²⁹ Судебная же доктрина Израиля, не исключая выделение вооруженного противостояния государства и негосударственного субъекта, преследующего террористические цели, в отдельную категорию вооруженного конфликта, все же склоняется к признанию такого конфликта международным.³⁰

Допустимо говорить и о вооруженном конфликте с иностранным вмешательством, когда в уже существующий конфликт немеждународного характера вступает государство или коалиция государств, обретая качество воюющей стороны. Примеров тому немало – от гражданской войны в Испании 1930-х гг. до конфликта вокруг Косово в бывшей Югославии в 1999 г. или событий, приведших к смещению правительства М.Каддафи в Ливии в 2011 г. Отечественная доктрина оперирует термином «интернационализированный вооруженный конфликт», понимая под ним столкновение, «в котором на стороне одной или нескольких сторон конфликта участвуют иностранные войска или направленные иностранным государством или от его имени вооруженные иррегулярные формирования или наемники».³¹

К вооруженному конфликту с иностранным вмешательством можно отнести ситуацию, когда для разведения сторон или замораживания конфликта вплоть до его политического урегулирования на территорию государства, где он происходит, вводится коалиционный контингент под флагом ООН или должным образом уполномоченной региональной организации. Однако в такой ситуации – в условиях операции по поддержанию мира – международный контингент не становится стороной

вооруженного конфликта и пользуется защитой, предоставляемой международным правом лицам и организациям, не участвующими в военных действиях.³²

Положение меняется, если международный контингент получает «силовой мандат», (как это произошло при учреждении Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали / МИНУСМА), и уполномочивается действовать на стороне правительства в его противостоянии организованной вооруженной оппозиции.³³ В этом случае международные силы могут быть вовлечены в конфликт.³⁴

Допустимым представляется и такой сценарий, при котором международная многокомпонентная миссия, имеющая полномочия от Совета Безопасности ООН, разворачивается на территории, где вследствие вооруженного конфликта и/или катастрофического стихийного бедствия парализованы или полностью отсутствуют органы власти и социальные службы. В этом случае международной миссии – подчеркнем, при наличии соответствующего мандата – пришлось бы заместить национальную систему управления, в том числе выполняя правоохранительные функции по всему диапазону – от поддержания правопорядка до обеспечения функционирования пенитенциарной системы. Иными словами, статус и функции международной миссии приближались бы к статусу и функциям оккупирующей державы, с той оговоркой, что миссия, учрежденная Советом Безопасности ООН и являющаяся его вспомогательным органом, не является «державой» в том смысле, которые заложен в Женевских конвенциях.

IV. Заключение

Природа вооруженных конфликтов за длительный период, прошедший после окончания Второй мировой войны, значительно изменилась. Международные межгосударственные вооруженные конфликты стали редким исключением, а вооруженные конфликты, которым предшествует или сопутствует объявление войны или военного положения в противостоящих друг другу государствах (или коалиций), – почти невиданным явлением. Несмотря на преобладание вооруженных конфликтов немеждународного характера, во многие из них вовлечены иностранные государства или иные внешние субъекты. Если вооруженные конфликты прошлого были конфликтами между более богатыми и промышленно развитыми государствами, большинство нынешних конфликтов происходит в менее развитых и даже беднейших странах и между ними.

Внутренние конфликты различного происхождения, перерастающие в форму вооруженного насилия, являются одной из основных причин отставания в развитии тех стран и регионов, где они проходят. Однако в силу того, что вооруженные конфликты зачастую происходят в районах с легко извлекаемыми ценными ресурсами (углеводородами, рудными ископаемыми, россыпными месторождениями минералов), враждующим сторонам доступны источники финансирования для закупок вооружений и оплаты живой силы, собственной или привлекаемой извне. Избыток оружия, прежде всего легкого и стрелкового, а также миграция лиц, обладающих пусть элементарными, но устойчивыми навыками обращения с ним приводят к его неконтролируемому внутри- и межрегиональному распространению.

Вооруженные конфликты немеждународного характера, какого бы происхождения они ни были – политического, экономического, этнического, религиозного, или совокупности перечисленных, – нередко возникают в странах, где группы, организованные по какому-либо из этих признаков, применяют вооруженное насилие как против правительства, так и друг против друга. В такой ситуации непросто выявить основные центры интересов и влияния (особенно если само законное правительство расколото по аналогичным признакам), а значит и искать подходы к урегулированию конфликта. Более того, когда в конфликт вовлечены различные общественные силы и

группы, порой затруднительно проводить различие между воюющими и невоюющими, правительственными вооруженными силами и повстанцами, при том, что наибольшее число жертв в таких конфликтах приходится на гражданское население.

Классические международные организации – универсальные, межрегиональные и региональные – изначально формировались для предотвращения и урегулирования межгосударственных конфликтов или, по мере своего развития, приобретали такую функцию. Адресатом мер по управлению конфликтом и его разрешению были вовлеченные в него правительства. Однако в современных условиях взаимодействия множественных субъектов вооруженного насилия в пределах границ одного государства, когда центральное правительство не является единственным или даже главным источником властного влияния, эффективность международных организаций в урегулировании конфликтов ограничена.

Итак, различие между международными и немеждународными вооруженными конфликтами все более размывается. Вооруженные конфликты, возникающие на территории одного государства, воздействуют на соседние государства, нарушая торговлю, транспортное сообщение, вытесняя гражданское население и приводя к вынужденной внутренней миграции и трансграничным потокам беженцев, создавая таким образом условия для возникновения новых конфликтов. Размыванию этого различия способствует и внешнее вмешательство в первоначально немеждународный конфликт, будь то правомерное (т.е. имеющее правовую основу в виде международного договора или полномочий, полученных от Совета Безопасности ООН или от региональной организации, которой СБ ООН делегировал такие полномочия), либо не имеющее такой правовой основы, а потому неправомерное. Применительно к таким и подобным им вооруженным конфликтам немеждународного характера эксперты используют такие термины, как «экспортируемый», «делокализованный», «экстратерриториальный»³⁵ и даже «выплескивающийся» конфликт,³⁶ которые, впрочем, не имеют нормативного веса.

Наконец, в современной реальности размывается и стадия завершения вооруженного конфликта, будь то международного или немеждународного. Если прежде как начало, так и завершение вооруженного конфликта имело четкие пределы – от объявления войны до заключения соглашения о перемирии или мирного договора, то в современных условиях конфликт может угасать, что в лучшем случае оформлено какими-то договоренностями, не обязательно юридическими, о прекращении огня, либо заканчивается его замораживанием на неопределенный период, или вводом международной коалиции, или применением к нему сочетания различных методов, которые, однако, не гарантируют, что он не возобновится.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эпос о Гильгамеше («О все видавшем») / Пер. И.М.Дьяконова. – СПб.: Наука. 2006 (репр. изд. 1961 г.).

² Гомер. Илиада. / Пер. В.В.Вересаева. – М.: Просвещение, 1987 (репр. изд. 1949 г.).

³ The Art of War and Other Classics of Eastern Philosophy. Canterbury Classics. – San Diego (Calif.), 2016.

⁴ Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. – М.: Мысль, 1996. Например: «Людей следует или ласкать, или истреблять, так как они мстят за легкие обиды, а за тяжелые мстить не могут; поэтому оскорбление, которое наносится человеку, должно быть таково, чтобы уже не бояться его мести» (с. 44) или «Кто помогает могуществу другого, тот погибает, ибо могущество это создано им искусством или силой, а то и другое вызывает подозрительность того, кто могущество приобрел» (с. 49).

-
- ⁵ Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – N.Y.: Touchstone, 1997.
- ⁶ O'Connell R.L. *Of Arms and Men: A History of War, Weapons, and Aggression*. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1989.
- ⁷ *Commentary on the First Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field*. Geneva, 12 August 1949. – Geneva: International Committee of the Red Cross (ICRC), 2016. P. 80.
- ⁸ *Ibid.* P. 32.
- ⁹ *Prosecutor v. Dusko Tadic, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction*, Case No. IT-94-1-A. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, 2 October 1995, para 70.
- ¹⁰ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986. para 195.
- ¹¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XVI: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1954 года / Министерство иностранных дел СССР. – М.: Госполитиздат, 1957. Цитируемое положение из четырех конвенций приводится, соответственно, на С. 72, 101, 125, 205.
- ¹² Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. – М., 1993. С. 135.
- ¹³ Там же. С. 182.
- ¹⁴ Подробнее см.: Тузмухамедов Б.Р. Хронологические пределы состояния «вооруженного конфликта» на Северном Кавказе. Формально-правовой этюд // Российский ежегодник международного права 2005. Спецвыпуск. СПб., 2006. С. 118–129.
- ¹⁵ Постановление ГД ФС РФ № 1200-II ГД от 12 марта 1997 г. «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в связи с вооруженным конфликтом в Чеченской Республике"» // Собрание законодательства РФ, 17 марта 1997 г. № 11. ст. 1291.
- ¹⁶ Постановление № 11-П от 5 июля 2001 г., п. 2.1. // Собрание законодательства РФ, 16 июля 2001 г. № 29. ст. 3059.
- ¹⁷ Постановление ГД ФС РФ № 60-II ГД от 9 февраля 1996 г. «Об объявлении амнистии в отношении лиц, участвовавших в противоправных действиях, связанных с вооруженным конфликтом на территории Республики Дагестан в январе 1996 года» // Собрание законодательства РФ, 19 февраля 1996 г. № 8. ст. 722.
- ¹⁸ Подпункт «б» пункта 1 статьи 16 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 3 июня 2002 г. № 22. ст. 2031.
- ¹⁹ Сборник международных договоров СССР. Ук. соч. С. 182–183.
- ²⁰ См. официальный сайт Верховной Рады Украины. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/405/2014?test=4/UMfPEGznhhyk7.ZiTMjsKIHI4v2s80msh8le6>.
- ²¹ Там же. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2268-19?lang=ru>.
- ²² Uppsala Conflict Data Program (UCDP). URL: <http://ucdp.uu.se>. См. также: Ежегодник СИПРИ 2016. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Пер. с англ. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 211.
- ²³ UCDP. URL: <http://ucdp.uu.se/#/statebased/14085>.

²⁴ В данном контексте термин «война» применяется в его юридическом, а не эмоционально-окрашенном и вульгарном значении, как, например, в словосочетаниях «война против бедности», «война против голода», «тресковая война» и т. п. В отличие от указанных «войн», «банановым войнам» в странах Центральной Америки конца XIX – первой четверти XX в. были присущи качества реальных вооруженных конфликтов.

²⁵ См. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Ук. соч.

²⁶ Статья 1 III Гаагской конвенции об открытии военных действий 1907 г. предписывает, что «военные действия между [Договаривающимися державами] не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны». Аутентичный текст составлен на французском языке, депозитарием является Правительство Нидерландов. Текст на русском языке доступен в базе правовой информации «КонсультантПлюс».

²⁷ Военная доктрина Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. // Российская газета. № 298. 30 декабря 2014 г.

²⁸ Российское законодательство не предполагает возможности объявления Россией войны другому государству, однако объявление войны иностранным государством или группой государств Российской Федерации считается «непосредственной угрозой агрессии» (пункт 3 статьи 3 Федерального конституционного закона «О военном положении» 2002 г. // Собрание законодательства РФ. 4 февраля 2002 г. № 5. ст. 375).

²⁹ См. решение Верховного Суда США по делу *Hamdan v. Rumsfeld*: “The term ‘conflict not of an international character’ is used here in contradistinction to a conflict between nations” // *Cases Adjudged in the Supreme Court at October Term, 2005.* – Washington, D.C., 2009. P. 630. *Hamdan v. Rumsfeld*, 548 U.S. 557 (2006). См. также: Тузмухамедов Б.Р. Хамдан против Рамсфелда: уроки и параллели // Российский ежегодник международного права 2006. Спецвыпуск. – СПб., 2008. С. 129–139.

³⁰ “Confronting the dangers of terrorism constitutes a part of the international law dealing with armed conflicts of international character”. *The Public Committee against Torture in Israel v. The Government of Israel*, 11 December 2005, Case HCJ 769/02, para 21.
URL: <https://supreme.court.gov.il/sites/en/Pages/fullsearch.aspx>.

³¹ Словарь международного права / Отв. ред. С.А.Егоров. – М.: Статут, 2014. С. 46.

³² Подробнее см.: Тузмухамедов Б.Р. Применимость международного гуманитарного права в условиях военных операций ООН в пользу мира // Российский ежегодник международного права 2001. Специальный выпуск. – СПб., 2001. С. 54–73.

³³ См. подпункты «а(i)» и «а(ii)» п. 16 резолюции Совета Безопасности ООН, учредившей МИНУСМА и наделившей миссию мандатом, включающем такие функции, как «в поддержку переходных властей Мали обеспечить стабилизацию ситуации в основных населенных пунктах, особенно на севере Мали, и в связи с этим отражать угрозы и предпринимать активные шаги для предупреждения возвращения вооруженных элементов в эти районы; ... оказывать поддержку переходным властям Мали в установлении и восстановлении государственной власти на всей территории страны». Резолюция 2100 (2013), принятая Советом Безопасности на его 6952-м заседании 25 апреля 2013 г. Док. S/Res/2100/2013.

³⁴ Бюллетень Генерального секретаря ООН «Соблюдение Силами Организации Объединенных Наций норм международного гуманитарного права», 6 августа 1999 г. Док. ST/SGB/1999/13.

³⁵ Vite S. Typology of armed conflicts in international humanitarian law: legal concepts and actual situations // *International Review of the Red Cross*. V. 91. № 873. 2009. P. 87ff.

³⁶ Geiß R. Armed violence in fragile states: low-intensity conflicts, spillover conflicts, and sporadic law enforcement operations by third parties // *Ibid*. P. 128ff.